

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Гуманитарный институт
Кафедра Философии

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

47.03.01 Философия

Женщина в аспекте семейных отношений в философском творчестве Василия
Розанова.

Руководитель

доцент, канд. филос. наук Кульбицкая В.И.

Выпускник

Вебер С.А.

Красноярск 2019

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. Социально-аксиологические основания семьи в отечественной философско-религиозной мысли Серебряного века.....	8
1.1. Проблема пола и семьи в философско-религиозном дискурсе России конца XIX-начала XX века.....	8
1.2. Литературоцентристская аналитика любви, семьи и брака на рубеже XIX — XX веков.....	16
2. Проблема пола и семьи в философическом наследии В. В. Розанова.....	23
2.1 Социально-мистические основания семьи в философии В. В. Розанова.....	23
2.2 Философско-религиозная этика пола в наследии В. В. Розанова.....	34
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	44
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	49

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проводимого исследования:

Актуальность проводимого исследования заключается, во-первых, в продолжающейся трансформации и философском переосмыслении вопросов пола и брака, характеризующих современный этап развития культуры. Во-вторых, связана с реактуализацией отечественного философско-религиозного наследия конца XIX – начала XX века, ознаменовавшего «возвращение» российской культуры к аутентичным духовным началам, а также необходимостью ее «продолжения» в свете вызовов постсовременной эпохи. Философское осмысление вопросов пола, брака и семьи является неотъемлемым аспектом формирования актуальной гуманитарной мировоззренческой парадигмы, способной противостоять вызовам современности за счет междисциплинарного подхода к аналитике пола и семьи в соотношении с такими сферами жизни, как культура, религия, социум. При этом, как отмечают некоторые исследователи, в дискурсе отечественной традиции философствования «полноценной теории семьи до сих пор нет» [6]. В связи с этим, обращение к отечественной философско-религиозной традиции представляется нам особенно эвристичным, поскольку сформировавшийся на рубеже XIX-XX веков комплекс теоретических и мировоззренческих установок, затрагиваемых, как правило, в аспекте анализа более ценной для дискурса русской философской мысли метакатегории «любовь» не утрачивает своей актуальности, нуждаясь не столько в критическом пересмотре, сколько в академической реактуализации и последовательном изучении. Особую значимость здесь имеет философическое творчество В. В. Розанова, представляющее собой попытку фундаментального философско-

религиозного осмысления названных феноменов. Однако анализ наследия В. В. Розанова представляет собой серьезное исследовательское затруднение: невозможность различения литературно-критического и философско-религиозного компонента творчества мыслителя существенно затрудняет экспликацию названных проблем в контексте гомогенного синкретичного учения философа с целью определения статуса женщины в аспекте семейных отношений.

Проблема исследования заключается:

Проблема исследования заключается в экспликации и артикуляции статуса женщины, мыслимой в качестве самостоятельной сущности, в контексте брачных и семейных отношений, описываемых В. В. Розановым в рамках его проекта социально-мистического идеала семьи.

Объектом исследования:

Объектом исследования выступает философско-религиозный проект В. В. Розанова.

Предметом исследования:

Предметом исследования является концептуализация статуса женщины в аспекте семейных отношений в рамках философического проекта В. В. Розанова.

Цель исследования:

Цель исследования заключается в том, чтобы концептуализировать статус женщины в аспекте семейных отношений на материале философического наследия В. В. Розанова.

Поставленная цель влечет за собой необходимость решения следующих задач:

1. Историко-философская аналитика постановки вопроса о поле и семье, а также стратегий их решения в отечественном философско-религиозном дискурсе конца XIX — начала XX века;

2. Выявление специфики артикуляции вопросов любви, семьи и брака в контексте литературоцентричности отечественной парадигмы культуры и традиции философствования;
3. Экспликация социально-мистических оснований семьи в философском проекте В. В. Розанова;
4. Анализ философско-религиозной этики пола В. В. Розанова в связи с концептуализацией и анализом статуса женщины в аспекте семейных отношений.

Методологическая база и степень научной разработанности:

Современный этап академического исследования наследия В. В. Розанова не испытывает недостатка в работах, раскрывающих философско-религиозный смысл наследия мыслителя, репрезентируя его идеи в целой палитре теоретико-методологических интерпретаций. Однако в имеющейся на сегодняшний день литературе нет внятно артикулированной позиции по поводу интерпретации розановского учения о семье и браке. Как отмечает в своем исследовании В. В. Лысенко, имеющийся материал по данной тематике можно классифицировать следующим образом: 1) литература дореволюционного периода: Н. К. Михайловский, П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, Д. С. Мережковский, Д. В. Filosofov, А. С. Глинка, А. А. Измайлов, М. О. Меньшикова, П. П. Перцова, В. П. Буренина, Н. Я. Абрамович, П. В. Мокиевский, Н. Г. Дроздов, М. М. Тареева. Данный период критического осмысления творчества В. В. Розанова включает в себя литературоведческие, философские, богословские и публицистические комментарии и полемические статьи, имеющие ярко-выраженный отрицательно-критический характер; 2) работы пореволюционного периода: В. Р. Ховин, Э. Ф. Голлербах, С. Н. Дурылин, Н. Н. Руссов, З. Н. Гиппиус, А. М. Ремизов, Л. Шестов, В. В. Зеньковский, С. Н. Булгаков,

Н. О. Лосский, Г. В. Флоровский, Ю. П. Иваск, А. Д. Синявский, В. А. Кувакин, В. В. Михайлов, Е. В. Барабанова, В. Турюина. Отметим, что данный период включает в себя тексты не только эмигрантских, но и советских исследователей, отмечающих и анализирующих спекулятивные, психологические, стилистические и идеологические аспекты творчества В. В. Розанова, обнаруживаются попытки систематизации идей мыслителя. Однако специальных работ, акцентирующих свое внимание на понятиях семья и брак в данном периоде еще не обнаруживается; 3) современный этап: В. К. Пишун и С. В. Пишун, А. Н. Николюкина, В. Г. Сукач, С. Р. Федякина, В. А. Фатеева, Н. Ф. Болдырева, И. А. Едошина, Т. А. Ёлшина, Е. В. Иванова, В. С. Синенко, Т. В. Гребениченко, А. Я. Кожурина, Н. Х. Орловва, А. М. Косарева, Т. В. Сыдеева, В. В. Бычкова, Л. Н. Голубева, О. С. Климова, В. П. Лебедева и В. В. Аверьянов. На данном этапе изучение наследия отечественного философа характеризуется сменой теоретико-методологической акцентуации: все чаще исследователи XX-XXI веков фокусируют свое внимание не на ставшей классической для розановедения «религии пола», а на специфической форме социокультурной мифологии, основаниями которой являются пол, брак и семья [14, С.4].

Методологическая база исследования определяется использованием в процессе исследования следующих методов и принципов исследования:

1. Герменевтический метод, используемый для анализа философско-религиозного наследия В. В. Розанова, с целью экспликации поставленных выше вопросов, их концептуализации, а также анализа и интерпретации;
2. Диалектический метод и системный методы, применяемые для выяснения взаимозависимостей основных категорий философического наследия В. В. Розанова и определения их содержания, а также

репрезентации целостного характера его философско-религиозного проекта;

3. Принцип единства исторического и логического широко применяется в работе с целью сопоставления идей В. В. Розанова с актуальным для рубежа XIX-XX веков интеллектуальным дискурсом Серебряного века.

Таким образом, в данной дипломной работе на основе историко-философской реконструкции предполагается осуществить критический анализ философического проекта В. В. Розанова, в рамках которого предполагается осуществить теоретико-методологический пересмотр устоявшихся в академическом розановедении интерпретаций идей отечественного мыслителя с целью экспликации, артикуляции и концептуализации статуса женщины в аспекте семейных отношений. Мы полагаем, что решение поставленной исследовательской задачи будет способствовать не только актуализации философического наследия В. В. Розанова в современном академическом сообществе, но и позволит сформулировать, отвечающий актуальным вызовам современности, ответ на все еще актуальный, в виду стремительного изменения социально-культурного контекста, семейный вопрос.

1. Социально-аксиологические основания семьи в отечественной философско-религиозной мысли Серебряного века

1.1. Проблема пола и семьи в философско-религиозном дискурсе России конца XIX-начала XX века

Цель данной главы заключается в экспликации социально-аксиологических оснований семьи в отечественной философско-религиозной мысли Серебряного века. Для достижения поставленной цели в рамках настоящего параграфа предпринимается попытка решения задачи, связанной с историко-философской аналитикой постановки вопросов о поле и семье, а также стратегий их решения в отечественном религиозно-философском дискурсе конца XIX- начала XX веков. Решение поставленной исследовательской задачи связывается с непосредственным рассмотрением вопросов, связанных с полом и любовью, в наследии таких русских философов, как: В. С. Соловьев, Н. А., Бердяев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, а также Н.Ф. Федоров и В.В. Розанов.

Ретроспективный историко-философский анализ отечественных философско-религиозных теорий, построенных на интерпретации феномена любви, раскрывает, помимо прочего, и вопрос об отношении полов. В связи с этим, постановка вопросов о поле и семье в отечественной философско-религиозной традиции Серебряного века может быть классифицирована по следующим направлениям:

1. Философско-платоническое направление, истоки которого обнаруживаются в наследии «поистине наиболее яркого и влиятельного философа» [9, С. 451] — В. С. Соловьева. Соловьевская интерпретация платонизма связана с переосмыслением и возрождением идеи платоновского Эроса, а также попыткой ее синтеза с современными на момент рубежа XIX-XX веков философскими теориями. Развитие Соловьевской интерпретации

платонической теории любви обнаруживается в творчестве: Л. П. Карсавина, Н. А. Бердяева, З. Н. Гиппиус, а суть заключается в легитимации телесного начала, являющегося неотъемлемой составляющей человеческой природы.

2. Ортодоксально-богословское направление, которое было представлено: П. Флоренским и С. Булгаковым. Данное направление было ориентировано не на античную теорию Эроса, а на средневековую идею жертвенной любви-сострадания *caritas* и связанный с ней комплекс идей христианской этики [31, С. 14], имеющих непосредственное отношение к вопросам брака и семьи. По словам А.М. Страхова, рассматриваемое направление в русской философии может быть обозначено в качестве «каритативного варианта русской философии любви» [35, С. 94], потому как ее представители обращались к «каритативной» любви — любви-жалости, любви-сострадания.

3. На общем фоне интеллектуальной среды Серебряного века особенно выделяются такие мыслители, как: Н. Ф. Федоров и В. В. Розанов, наследие которых содержит в себе крайне уникальные мысли, отчасти сформировавшиеся под влиянием русского философского сектантства [9, С.449]. Отметим, что в рамках данного параграфа концепции названных мыслителей рассматриваться не будут, поскольку анализ наследия первого — требует знакомства с достаточно большим количеством существующей критической литературы, указывающей на реактуализацию наследия, так называемого, «русского космизма» в современных условиях; анализу наследия В. В. Розанова же посвящена вторая глава настоящей дипломной работы.

Остановимся более подробно на анализе указанных выше направлений проблематизации пола и семьи в философско-религиозном дискурсе Серебряного века. Особое влияние на отечественную интерпретацию платонической парадигмы любви в дискурсе отечественной философии оказало религиозно-

материалистическое учение В.С. Соловьева о «всеединстве». В работе «Чтения о богочеловечестве» [34, С. 115] философ исходит из единства божественного и человеческого начал, которые достигаются самим человеком благодаря нравственной свободе и способности к совершенствованию. Для каждого человека вполне обычно рассматривать: 1) себя как некий центр вселенной; 2) окружающих, опираясь на свои личные нужды, потребности и интересы. Отсюда, по мнению В. С. Соловьева, любовь приобретает исключительно индивидуальный характер, никак не характерный для животного, поскольку у человека индивидуальное начало торжествует над родовым. Таким образом, любовь — это сила, способная упразднить эгоизм, не упраздняя при этом характерную для каждого человека индивидуальность: «смысл человеческой любви есть оправдание и спасение индивидуальности через жертву эгоизма» [33, С. 32]. При этом, отмечает В. С. Соловьев, единственной силой, которая может оказать влияние на устранение присущего человеку от рождения эгоизма, является половая любовь, поскольку лишь она сохраняет однородность, равенство и взаимодействие между любимым и любящим, позволяя гетерогенным «Я» и «Ты» слиться в метафизически гомогенное «Мы». Рассматривая многочисленные типы и виды любви, такие, например, как материнская любовь, где место любящего и любимого занимают мать и ребенок, В. С. Соловьев указывает на то, что данный тип любви базируется на неравенстве между любящим субъектом и объектом его любви. Искомое неравенство обусловлено непреодолимыми искомыми различиями между любящим и любимым. Задача рассматриваемого различия заключается в том, чтобы конституировать посредством процедуры различения пространство социального взаимодействия. В этом смысле, половая любовь для В. С. Соловьева — это асоциальный феномен, потому что в ней все различия преодолеваются, а учредительная процедура различения приостанавливается для

осуществления метафизического слияния, манифестацией которого становятся телесные практики влюбленных. Таким образом, телесно-биологическое начало в рамках отечественной интерпретации платонической теории любви не столько легитимируется, сколько сакрализуется, открывая новые горизонты артикуляции данного вопроса в аспекте повседневного сосуществования людей.

В связи с этим важно отметить, что фундаментом философского учения В. С. Соловьева о половой любви является не аутентичный платонизм, а платонизм переосмысленный и сочетающийся с принципами христианской этики. Поэтому, говоря о необходимости одухотворения и просветления телесности, философ признает важность плоти и половой любви. При этом, согласно В. С. Соловьеву, телесность не должна доминировать, поскольку ситуация, в которой удовлетворение физиологических потребностей становится главной целью, является губительной для любви. Таким образом, половая любовь, для В. С. Соловьева, — это отождествление, или, что более точно, манифестация отблеска живого идеала Божественной любви.

Еще один крупный представитель платонической теории любви в отечественной философии – это Н. А. Бердяев. Для него рассматриваемая теория стала ключевой темой его философии. Однако в отличие от В. С. Соловьева, для построения собственного понимания любви Н. А. Бердяев обращается не к Эроту, а другому персонажу платоновского «Пира» [17, С. 362-395] — андрогину, что указывает на явный интерес философа к вопросу о поле. В связи с этим, нельзя не отметить явное присутствие андрогинных мотивов, характеризующих философскую теорию любви Н. А. Бердяева, строящуюся вокруг ситуации одиночества человека в бытии [3, С. 55]. Согласно Н. А. Бердяеву, одиночество человека неразрывно связано с его принадлежностью к полу, поскольку человек есть существо, «томящееся по восполнению» [3, С. 62]. Таким образом,

назначение пола сводится к тому, чтобы вносить свои коррективы в «Я», которое по природе своей изначально бисексуально. При этом отличительной чертой учения Н. А. Бердяева является то, что преодоление одиночества совершенно не ассоциируется философом с семьей, а связывается исключительно с любовью и дружбой. В этом смысле участь пола сводится к невозможности окончательного преодоления изначально одиночества человека в бытии, поскольку половое одиночество и томление по целостности никогда не преодолеваются до конца в силу половой дифференциации людей. Таким образом, для того чтобы полностью и окончательно преодолеть онтологическое одиночество, необходимо достигнуть «целостного андрогинного образа» [2, С. 85] так как андрогин – это образ и подобие Бога, предполагающего полноту, целостность и гармонию, а также точку, в которой противоположности совпадают, а различия отменяются. В практике повседневного человеческого сосуществования выходом из ситуации полового раздвоения Н.А. Бердяев полагает воспитание и восстановление целостности его посредством сублимирования половой энергии. При этом важно отметить, что сексуальный акт, согласно Н. А. Бердяеву, не актуализирует настоящее соединение разорванных в природе начал, поскольку устранение различий становится возможным лишь в акте любви.

По мнению Н. А. Бердяева, «христианство не одухотворило половой плоти» [2, С. 32], а всего лишь на всего окончательно отравило пол, сведя все проявления активности последнего к репрессивной модели семьи, основная задача которой сводится к самооправданию посредством продолжения рода. Отсюда ценность устойчивого брака однако, эта ценность, полагает Н. А. Бердяев, является иллюзорной, поскольку ограничивает свободу человека и не способствует реализации его метафизической свободы. В связи с этим проблема супружеской измены интерпретируется им в качестве метафизической, а не

моральной. Таким образом, разврат — это не моральное зло, требующее запрещения. Более того, согласно Н. А. Бердяеву, на него невозможно наложить табу. В этом смысле, единственным способом его преодоления является лишь любовь и высшая духовная жизнь по типу целостного существования андрогина.

Концептуальной альтернативой отечественной интерпретации платонической теории любви в философско-религиозном дискурсе Серебряного века была ортодоксально-богословская традиция рассмотрения вопросов пола и семьи. В 1908 году отец П. Флоренский в работе «Столп и утверждение истины» [37, С. 905] рассматривая понятие «София», фактически пишет манифест данного направления, в основе которого лежит идея отождествления Бога и любви. В связи с этим большую часть своего внимания П. Флоренский уделяет «различным сторонам чувства любви» [37, С. 46], которые лишь в христианстве наполняются обогащенным содержанием, а также одухотворенной и насыщенной идеей Божественной любви.

С точки зрения ортодоксального богословия и глубокой веры, философия П. Флоренского представляет собой попытку подвергнуть религиозную догматику философскому осмыслению. Анализируя изменения, которым подверглась любовь под влиянием христианства, философ делает вывод о том, что любовь — это не столько индивидуальный, личностный акт, сколько своеобразный родовой процесс слияния всех любящих с божественной сущностью. При этом в своей аргументации П. Флоренский далек от радикального презрения к плоти. Напротив, он утверждает идею «святого тела», освященного светом божественной любви в ситуации сосуществования влюбленных в условиях целомудренного брака, указывающего на святость последнего и противопоставляющего его разврату.

Отец С. Булгаков в работе «Свет невечерний» [4, С. 320] продолжая линию П. Флоренского, акцентирует свое внимание на греховном начале человеческой

природы. Философ исходит из мысли о том, что лишь семья является земным институтом спасения, поскольку божественное благословение «плодиться и множиться» сохранено в человеке и для человека. Вследствие этого, спасение видится в «чадородии» [4, С. 48]. По мнению С. Булгакова деторождение в браке есть не только спасение, но средство профилактики против разврата, влекущего человека к падению, а не спасению. Таким образом, объектом любви является воплощенный дух или одухотворенная плоть, сознательно выбирающая для себя целомудренную жизнь.

Характеризуя позицию С. Булгакова касательно интерпретации вопроса пола и любви, важно отметить, что, по мнению философа, любовь зарождается исключительно в душе, наполненной верой. В этом смысле вера есть любовь человека к Богу. Таким образом, любовь для С. Булгакова - это всегда христианская спасительная любовь. Именно это обстоятельство заставляет его и других представителей ортодоксально-богословского направления выступать с резкой критикой теории любви, артикулируемой в дискурсе отечественной интерпретации платоновской теории.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, отметим следующее:

1. Серебряный век отечественной культуры — период активной постановки вопросов и поиска ответов касательно проблем пола и семьи, обусловленный секуляризацией культуры, с одной стороны, и проблематизацией биологического начала человеческой природы, с другой.

2. В специфике отечественной постановки и решения названных вопросов прослеживается очевидное влияние: 1) античного философского наследия в лице Платона; 2) христианской религиозной этики.

3. Данное обстоятельство указывает, во-первых, на близость заявленных вопросов и их взаимодополнительный характер в интеллектуальном пространстве

начала XX века; во-вторых, на внутренний конфликт, обусловленный противопоставлением тела и души, а также языческого и христианского наследия, выливающийся в попытки: 1) примирительного сочетания несочетаемого (В. С. Соловьев); 2) радикально консервативной критики и неприятия повестки дня современности (П. Флоренский).

4. Кроме того, отмеченные источники концептуального влияния определяют внутренне противоречивый характер постановки и решения заявленных вопросов в философско-религиозном дискурсе отечественной культуры конца XIX — начала XX веков, определяемый в качестве одновременной «биологизации мистики» и «мистификации биологии».

1.2. Литературоцентристская аналитика любви, семьи и брака на рубеже XIX — XX веков

Для решения цели, стоящей перед данной главой в настоящем параграфе предпринимается попытка решения исследовательской задачи, сводящейся к выявлению специфики артикуляции вопросов любви, брака и семьи в контексте литературоцентричности отечественной парадигмы культуры и традиции философствования.

Известный специалист в области истории русской философии И. И. Евлампиев, говоря о специфике отечественной традиции философствования, указывает на такую черту, как литературоцентризм, [8, С. 23] означающую первичность слова в отношении социально-культурных и политико-экономических процессов, а также первостепенную роль литературы в развитии национальной культуры. В этом смысле, в общественном сознании и культурном ландшафте России укоренена идея о том, что литература — это «царица» всех искусств, а также наивысшее проявление национального гения. По мнению И. И. Евлампиева, именно классическая русская литература, наряду с отечественной традицией православия, является пространством формирования и артикуляции ключевых философских вопросов, определяющих специфику отечественной традиции философствования.

Таким образом, специфика отечественной культурной практики обусловлена фундаментальностью текста и порождаемой им текстологической реальностью, выступающей для последующего культурогенеза своеобразным пространством поиска, становления и испытания идей, возникающих, артикулируемых и разрешаемых исключительно благодаря литературной практике, выступающей, с одной стороны, фундаментальным основанием

отечественного мышления, с другой, являющейся его специфической сущностной особенностью.

В этом смысле не стали исключением и вопросы любви, семьи и брака. Данной проблематике посвящены литературные произведения многих отечественных писателей рубежа XIX-XX веков: И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, И. А. Бунина и многих других.

Учитывая многообразие авторских интерпретаций любви, а также смысла и назначения брачно-семейных отношений, сконцентрируем внимание на анализе поставленной проблемы на материале творчества Л. Н. Толстого, полагая его идеи в качестве отправной точки теоретико-методологической разработки заявленной темы исследования в виду огромного влияния идей Л. Н. Толстого на умы современников, в частности, на В. В. Розанова.

В истории русской литературы роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина», вышедший в свет в 1878 году, имеет ключевое значение для постановки вопроса о семье и браке. По словам самого автора, главная мысль романа – «мысль семейная» [1, С. 386]. Известно, что на момент написания одного из ключевых романов русской и мировой литературы рубежа XIX-XX веков, Л. Н. Толстой идеализировал семейную жизнь, полагая супружескую измену в качестве безнравственного поступка. Согласно авторского замысла, ключевая цель романа заключается в репрезентации семейной безнравственности. Особое влияние на автора романа «Анна Каренина» в это время оказали английские семейные романы, по поводу которых Л. Н. Толстой замечал: «эти романы заканчиваются тем, что он заносит свою руку вокруг талии, женится и получает имение и статус. Эти романисты кончают роман тем, что он и она женятся. Но роман надо писать не столько о том, что произошло до их женитьбы, сколько о том, что произошло после женитьбы» [1, С. 392].

Таким образом, в фокусе авторского внимания находится история семьи, уже сформировавшейся и пребывающей в режиме повседневного будничного существования, наполненного радостями и ссорами, неслучайно роман начинается с фразы: «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» [12, С.15]. В связи с этим, нельзя не отметить, что семья, согласно воззрениям Л. Н. Толстого является «альфой» и «омегой» важнейших общественных перемен, а также личных свершений участников семейных отношений. Таким образом, значение социальных перемен измеряется степенью их влияния на семейные распорядки века, переживающего мучительную трансформацию перестройки привычного уклада и порядка вещей. Проблема семьи—одна из определяющих в духовных исканиях самого Л. Н. Толстого.

В романе «Анна Каренина» автор артикулировал веяния надвигающейся эпохи перемен, репрезентировав новый аспект в теме, которая интересовала его и в других произведениях, например в «Войне и мире». В романе - эпосе герои связывали решение личных проблем с участием в деле общенациональном, в войне 1812 года. В «Анне Карениной» отражено иное время и новые обстоятельства. В этих условиях каждый из героев, в первую очередь, занят собой, своими проблемами, своим домом, то есть своей семьей. Ставя и разрабатывая проблему семьи в центр своего повествования, Л. Н. Толстой красной нитью проводит идею взаимосвязи личного, семейного и «мысли народной». Так, Константин Левин, пытаясь разрешить личные проблемы, размышляет о судьбе всей русской нации и даже человечества в целом. Он идет по пути нравственных исканий, как Андрей Болконский или Пьер Безухов. То, как проявляются результаты его философического размышления, связано с качественным личным развитием и указывает на доминацию «мысли семейной», воспринимаемой Л. Н. Толстым в качестве основания человеческого общежития.

Важно отметить, что интеллектуальный фон рубежа XIX-XX веков, как в европейской, так и в отечественной мысли, характеризуется сменой акцентов: на смену аналитике социального приходит анализ личностного начала, в частности пола. Таким образом, аналитика современной для Л. Н. Толстого и В. В. Розанова семьи осуществляется не столько через призму брака и его роли в социальных процессах, сколько с позиций пола. В философической реакции на актуализированную Л. Н. Толстым проблему ключевую роль сыграли такие отечественные мыслители, как: В.С. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Н. А. Федоров и В. В. Розанов.

Анализируя толстовское понимание брака, В. В. Розанов фокусирует свое внимание на концептуализации понятия «пол», сознательно отказываясь от биологизаторской парадигмы интерпретации и понимая под данным концептом манифестацию божественной природы всего человечества, а также мистическое единение бинарных человеческих начал в едином существе. По мнению В. В. Розанова, «связь пола с Богом – большая, чем связь ума с Богом» [30, С. 214]. В этом смысле, пол выступает сосредоточием всего живого, а также сущностью бытия, заключающейся в непрерывном порождении: как физическом, так и духовном. В этом смысле, говоря о повседневном существовании участников брачно-семейных отношений Л. Н. Толстой, как и В. В. Розанов больше не противопоставляют земное и небесное, духовное и телесное, сакральное и профанное. Таким образом, в интерпретации В.В. Розанова, пол выступает вторым духовным началом человека, наряду с его разумом. Однако пол в интерпретации В. В. Розанова важнее, чем разум, поскольку он – выражение метафизического измерения бытия человека в мире. Таким образом, методологические основания розановской интерпретации пола сводятся к сакрализации последнего, а аналитика строится на религиозном прочтении повседневного бытия человека. В этом и

заключается главный парадокс интерпретации пола на рубеже XIX – XX веков: церковь, стремящаяся сделать человека более целомудренным – отвергает пол посредством его нравственной критики. Вместе с тем, пол мыслится в качестве важнейшей метафизической составляющей человеческой природы. Таким образом, природа христианской нравственности заключается в ее принципиальной безнравственности, поскольку подлинная истина Христа, согласно В.В. Розанову, заключается в его «живой жизни», едва ли отличимой от повседневного существования среднестатистического человека. В этом смысле, справедливым будет предположение о том, что в аналитике повседневного – семейного бытия человека нивелирует жесткое противопоставление тела и души. Следовательно, пол не только важен, но и един.

Фактически в этом же направлении развивается и мысль Л. Н. Толстого, выражающего метафизическую сущность любви словами апостола Иоанна: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (Ин. 4, 16). Таким образом, любовь, согласно Л. Н. Толстому, представляет собой единство закона и благодати, а также Эроса и Агапе, определяющее, в конечном счете, ее нравственный смысл.

В оценке ряда критиков творчества Л. Н. Толстого прослеживается мысль о том, что подлинным основанием толстовской теории любви, выступающей фундаментом брака и семьи, является личный опыт писателя, позволяющий переживать и постигать последнюю в качестве высшего блага жизни, дарующего подлинную радость бытия. В связи с этим сам Л. Н. Толстой отмечал, что «идеал совершенства в половом вопросе есть полное целомудрие. Но если мужчина или женщина не могут его достигнуть, то ближайший подход к нему есть брак, в котором опять-таки мужчина и женщина должны стараться быть насколько возможно целомудреннее и, сверх того, принимать, как священный долг,

выращивание и воспитание тех детей, которые могут быть в результате брака» [12, С.172].

Именно в этом аспекте совпадают воззрения Л. Н. Толстого и В. В. Розанова, остающихся верными семейной теме на протяжении всей жизни. Семья для них – не столько социальное основание всякого цивилизованного общества, сколько интимный внутренний мир человека, позволяющий сакрализовать своего носителя. Для В. В. Розанова семья – это не просто «духовное отечество» человека, но и источник тепла, религиозности, полноты жизни.

Семья – это «самое непорочное на земле явление» [30, С. 220], строящееся на принципе любви. Идеал В. В. Розанова – это семья, где все любят друг друга. В тоже время, супружеская измена не является проявлением безнравственности, поскольку она – условие существования любви. Таким образом, основанием брака является любовь, а также метафизически понятый половой инстинкт. В связи с этим, можно заключить, что аналитика пола в философическом проекте В. В. Розанова выступает не столько основанием, сколько обоснованием его концепции семьи, имеющей взаимосвязанных между собой измерения: идеальное, материальное, социальное. Таким образом, семья – это таинственное, космическое начало, представляющее собой союз двух полов, трансформирующийся в семью лишь при условии рождения детей.

Говоря о статусе членов семьи, Л. Н. Толстой полагал, что назначение женщины сводится к тому, чтобы быть верной, любящей женой и матерью, беззаветно преданной семье. В тоже время, В. В. Розанов настаивает на том, что долг женщины – это метафизическая активность, тождественная божественной утрате «самостности» или «качества самки». Аналогично, если Л. Н. Толстой призывает человека содержать свое тело и душу в целомудрии, то В. В. Розанов осуждает эту идею. Именно в этом заключается принципиальное различие

сравниваемых авторов, поскольку половой акт и телесные практики для Л. Н. Толстого – проявление постыдного неравенства, в то время как для В. В. Розанова – это манифестация сакрального, поскольку совокупление – это основа новой жизни.

Обобщая вышесказанное, сформулируем предварительные выводы:

1. Классическая русская литература рубежа XIX-XX веков может и должна рассматриваться в качестве интеллектуального пространства постановки и решения философических вопросов о любви, семье и браке;

2. Специфика постановки и решения данных вопросов в дискурсе классической русской литературы может быть сведена к морализаторскому истолкованию пола и назначению семейной жизни;

3. Философическая интерпретация дискурса классической русской литературы касательно вопросов любви, семьи и брака на рубеже XIX-XX веков осуществляется в нескольких направлениях: 1) легитимации полового влечения в модусе повседневного существования человека посредством его сакрализации; 2) отказе от религиозного морализаторства пола посредством мистификации биологического начала.

4. Формирование идеи о том, что семья не столько основание социальной жизни, сколько фундамент экзистенциальной парадигмы бытия человека в мире.

2. Проблема пола и семьи в философическом наследии В. В. Розанова

2.1 Социально-мистические основания семьи в философии В. В. Розанова

Цель, стоящая перед данной главой заключается в анализе специфики постановки и решения вопросов пола и семьи в рамках философического наследия В. В. Розанова. Для достижения поставленной цели в рамках настоящего параграфа предпринимается попытка решения исследовательской задачи, связанной с экспликацией социально-мистических оснований семьи в философическом проекте В. В. Розанова.

Говоря о синкретичном характере философического наследия В. В. Розанова, необходимо отметить, что в рамках его философического проекта следует различать семейную тему как таковую и концептуальную схему пол – брак – семья, выступающую в качестве теоретического основания первой. Данная дефиниция носит принципиальный характер для современного академического розановедения, поскольку в исследовательской литературе по данному вопросу можно выделить различные точки зрения, по-своему интерпретирующие воззрения В. В. Розанова на проблему пола, брака и семьи. Выделим основные из существующих в академическом розановедении позиции:

1. Первая находит свое выражение в творчестве дореволюционных исследователей, полагавших, что пол – брак – семья являются составляющими элементами единой «метафизики пола»;

2. Вторая восходит к традиции антропологической рефлексии о бытии человека в мире и интерпретирует концептуальную триаду пол – брак – семья в качестве своеобразных ступеней развития семейной идеи, выступающей основным содержанием философического проекта В. В. Розанова [18, С. 96-152].

3. Представители третьего подхода усматривают в триаде пол – брак – семья реализацию стратегического замысла В. В. Розанова, ассоциируя главную идею его философического творчества с идеей жизнетворчества как такового [21, С. 377-388].

Таким образом, рассматриваемая триада входит в единый контекст розановской постановки вопроса о семье, разрабатываемый им как в публицистических работах, так и в философических сочинениях. Важно отметить, что дореволюционные авторы, как правило, не различали искомые концепты, подвергая анализу каждый из них по отдельности, что было обусловлено господствовавшей в то время интерпретацией розановского проекта в качестве «семейной» или «половой метафизики» [5, С. 240-521]. Действительно, в рамках такой интерпретации философического проекта В. В. Розанова концепты «пол», «брак», «семья» имеют синонимичный характер, при условии, что речь идет о философии семьи в самом общем виде, в рамках которой постановка узкоспециальных вопросов о природе пола и сущности брака попросту нивелируется исследователем.

С другой стороны, анализ текстов В. В. Розанова позволяет выделить достаточные основания для демаркации названных концептов в качестве самостоятельных модусов развития брачно-семейного бытия человека. В связи с этим, современный этап академического розановедения отличается от дореволюционного особым пристрастием к категориальному анализу розановских концептов, усматривая в данном методе ключ к внутренней дифференциации розановского проекта на: 1) фундаментальную «онтологию телесности», раскрываемую посредством концептуальной схемы пол – брак – семья, отражающей эволюционное раскрытие и актуализацию полового содержания человека и мира в целом [13, С. 136-140]; 2) философско-религиозную концепцию

семьи, занимающую центральное место в наследии отечественного философа, поскольку именно с философско-религиозных позиций осуществляется своеобразная апология пола и телесности посредством сакрализации центрального компонента рассматриваемой концептуальной схемы — семьи [20, С. 118-128].

В связи с этим, оправданным будет наше обращение к анализу розановской концепции семьи с целью выявления ее социально-мистических оснований. Предварительно заметим, что вслед за рядом исследователей мы понимаем под розановской философией семьи, прежде всего философско-религиозный проект, вскрывающий внутреннюю амбивалентность феномена семьи. В. В. Розанов усматривает в нем, с одной стороны, социальные корни, с другой, религиозно-мистические основания, выводящие его мысль за пределы общепринятой традиции размышления о семье, в качестве социально-экономической и культурной формы кооперации людей.

Говоря об идеи семьи в философическом наследии В. В. Розанова важно отметить, что начало разработки данного вопроса обнаруживается уже в ранних работах философа. По словам А. И. Павленко, «первые контуры концепции семьи В. В. Розанова обнаруживаются еще в литературно-критических работах 1880-х годов и публицистике 1890-х годов». [16, С. 109]

Рассматриваемая ранее концептуальная схема пол – брак – семья, напротив, обнаруживается в более поздний период творчества мыслителя, ознаменовавшийся выходом таких работ, как «Религия и культура» [26, С.272] и «В мире неясного и нерешенного» [23, С. 462] в рамках, которых философ обращается к так называемой «половой мифологии» и ведет ожесточенные дискуссии с многочисленными оппонентами по поводу брака [13, С. 25-102], что нашло свое творческое развитие уже в философско-религиозных работах начала XX века [9, С. 357-370]. В это время В. В. Розанов обращается к анализу

феномена семьи, понимая его в качестве центрального компонента концептуальной триады пол – брак – семья, усматривая в нем онтологические основания одновременно «метафизики пола» и «онтологии телесности».

Свой анализ розановской интерпретации семьи мы основываем на интерпретации последнего в качестве мифа. Методологическим основанием такого прочтения розановского философического проекта является применение структурного метода К. Леви – Стросса, позволяющего исследовать объект не хронологически и последовательно, а совмещая синхронную и диахронную перспективы [14, С. 109]. Иными словами, мы полагаем, что те аспекты философического наследия В. В. Розанова, где ставятся и решаются вопросы брака и семьи, могут быть рассмотрены в качестве различного рода вариаций на заданную библейско-мифологическую тему.

В частности, работа «В мире неясного и нерешенного» может быть представлена в качестве метафизической интерпретации «семейного мифа», отсылающего к «онтологии пола», а работа «Семейный вопрос в России» [21] репрезентирует пространство его социальной реализации, смысл которой предварительно может быть определен лишь в качестве декларации последующих преобразований. Помимо прочего, избранная методологическая стратегия позволяет выявить всю совокупность смыслов авторской мифологии отечественного философа, среди которых особый интерес для данной дипломной работы представляют религиозные и социальные аспекты авторской мифологии брака и семьи В. В. Розанова.

Говоря о семейном вопросе как продукте авторской философической мифологии, отметим, что концептуальная триада пол – брак – семья является ее фундаментальным основанием, выступающим одновременно ключом к прочтению мистических оснований данных концептов в религиозно-мистических учениях

Древнего Востока, а также христианства и иудаизма, понимающих брак и семью в качестве абсолютных форм человеческого бытия, внутренние и внешние стороны которого неизбежно соприкасаются в вопросе отношения к полу.

Хронологически первые попытки постановки и решения вопроса пола в философическом творчестве В. В. Розанова обнаруживаются в более поздний период, чем обращение к проблеме семьи. Ориентировочно это 90-е годы XIX века, ознаменовавшиеся творческим поворотом мысли философа в сборнике «Религия и культура», вышедшем в свет в 1899 году. Здесь В. В. Розанов впервые поднимает запретную ранее тему. Отметим, что наиболее полный взгляд на вопрос пола В. В. Розанов представит лишь в работе 1911 года «Люди лунного света» [25]. В ней В. В. Розанов декларирует семью в качестве абсолютного принципа жизни, который в социальном измерении, помимо прочего, является фактором, катализирующим скорость социального действия, запуская неотвратимые изменения, смысл которых сводится в радикальном преобразовании действительности.

Таким образом, семья для В. В. Розанова выступает в качестве основания создания целостной социальной программы, положенной в основу будущего развития общества и мира. Однако самого мыслителя интересуют преимущественно сакральные аспекты брачно-семейного бытия человека. В связи с этим, розановское учение о семье заявляет, о себе в качестве особой религии, содержащей в себе нераскрытые социальные потенции, актуализация которых будет способствовать обновлению бытия как такового.

При этом, основу семейной жизни составляет пол, понимаемый В. В. Розановым не только в качестве манифестации божественного начала, но и в качестве катализатора личного и социального развития человека.

Рассмотрение розановской философско-религиозной концепции семьи в качестве социальной программы преобразования наличного бытия человека позволяет выделить в ней несколько уровней: 1) внутрисемейные проблемы; 2) круг социальных проблем различного плана. Таким образом, работа «Семейный вопрос в России» представляет собой целостную программу действия по решению семейного и тесно связанного с ним комплекса проблем социального, гендерного, культурного, религиозного и социально-демографического порядков. Однако, по мысли самого В. В. Розанова, смысл данной программы заключается вовсе не в воплощении крупных социальных проектов, а в решении конкретных частных вопросов.

Важно отметить, что в разработке социального аспекта семейного вопроса В. В. Розанов открывает себя в непривычном методологическом ключе — оставаясь «фамилистом», он в тоже самое время пробует себя в качестве «метафизика», ассоциируя собственную работу с «созданием новой отрасли философских исканий и практической озабоченности». [30, С. 658] Согласно тематического плана, представленного философом в работе «Семейный вопрос в России», можно заметить, что проблемное поле произведения достаточно масштабно: по замыслу автора предполагается рассмотреть круг вопросов, связанных с: родительством, взаимоотношениями родителей и детей, разводом, культурой сексуальных отношений, а также внебрачных форм семьи и всего того, что связано с распределением гендерных ролей, статистикой рождаемости и личным отношением партнеров к вопросу о смысле и назначении брака.

Таким образом, В. В. Розанов является автором новаторского в теоретико-методологическом плане подхода к исследованию и осмыслению форм семейной кооперации, а его работа вполне соответствует вектору развития современного

социально – гуманитарного знания, включающего в сферу своих исследовательских интересов вопросы пола, брака и семьи.

Однако, рассматривая феномен семьи в аспекте модернизации общества, В. В. Розанов связывал последнюю с вневременным религиозным фактором, сознательно отказываясь от распространенного в эпоху модерна мнения о том, что семья и религия — это отдельные сферы жизни. В связи с этим, важной чертой розановской фамилистики является традиционалистская ориентация, определяющая понимание семьи в качестве фундаментальной формы жизни, имеющей всеобщий и необходимый характер. Таким образом, согласно В. В. Розанову, существует лишь одна форма семьи — детоцентристская [21, С.37]. Эта идея обосновывается им при помощи внушительной онтологической базы, ключевой идеей которой является утверждение о том, что смысл и назначение культуры, понятой в качестве среды существования человека, заключается в том, чтобы утвердить и воплотить фамилизм и детоцентризм. В связи с этим, укажем на специфическую черту розановского подхода к анализу культуры и семьи, посредством «использования структуры и/или логики семейных отношений для организации и осмысления индивидуальной жизни», [36, С. 4] вскрывающей ее сущность. Таким образом, назначение семьи заключается в том, чтобы быть не просто «моделью», но «домом» человека, который в свою очередь призван заниматься «домостроительством», реализуя тем самым изначально заложенный в нем закон жизни, становясь в процессе своей деятельности его антропологической манифестацией и его онтологическим отражением. Другими словами, в интерпретации В. В. Розанова, семья представляет собой предустановленную форму всеобщего «религиозного закона» [30, С. 624], который необходимо осуществить исходя из сугубо индивидуального самоопределения, утверждая тем самым социальный идеал семьи в качестве «непорочной семьи как величайшего

идеала социального строительства» [32, С. 87] и первого «устоя государства» [32, С. 104].

Таким образом, брак в розановском философском проекте рассматривается в качестве практики межличностных отношений, в результате которых образуется супружеский союз. При этом, онтологически первым основанием этого союза становится пол, выступающий квинтэссенцией биологического начала, а уже затем — социальные аспекты. Их единство находит свое выражение в семье, которая в рамках розановского проекта приобретает не столько социальные, сколько мистико-метафизические коннотации, которые рассматриваются философом в качестве «точки, зиждущий саму жизнь» [27, С. 24], открывая тем самым трансцендентный ноуменальный аспект бытия мира и человека.

Таким образом, брак представляет собой второй этап развития концептуального содержания розановской программы «онтологии телесности», в рамках которой последний становится конкретной формой воплощения и реализации телесной природы человека, а также феноменальным модусом существования биологического пола. Будучи высшей степенью актуализации пола, брак отождествляется В. В. Розановым с сакральным творческим актом, порождающим мироздание [29, С. 211] и возвращающего новую жизнь. Таким образом, половое соитие рассматривается философом в качестве высшего акта творения, посредством которого творится само бытие, а вступающие в данный акт стороны отождествляются с Богом, дающим начало миру. В этом смысле, муж и жена — это начало семейного микрокосма и завершение всеобщего творения [28, С. 482], поскольку смысл и назначение брака всемерны в силу того, что он в качестве физического творческого акта присущ всей живой природе [30, С. 418].

В этом смысле брак обладает и аксиологическим измерением, поскольку он представляет собой пространство манифестации и реализации подлинного творчества пола, заявляющего о себе в момент телесного соединения. Таким образом, подлинное онтологическое основание брака — это чувственная основа, находящая свое выражение в гармоничном соединении полов: «факт есть все-таки факт и состоит в благословенном Богом взаимном влечении, сближении и соединении полов, без чего ничего в браке не началось, нет существа брака» [30, С. 159]

Однако биологическое начало в концепции В. В. Розанова мистифицируется, в результате чего брак приобретает не столько социальный, сколько мистический смысл. Свое обоснование мистической природы брака В. В. Розанов строит благодаря следующей линии аргументации: во-первых, он буквально интерпретирует библейский сюжет «плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю», определяя соединение мужского и женского начал в качестве физического учредительного союза. Во-вторых, В. В. Розанов апеллирует к метафизической традиции интерпретации любви, в рамках которой влюбленные всегда мыслятся в качестве единой и нераздельной двоицы. Данный принцип чрезвычайно важен для понимания розановской философии, поскольку именно в нем обнаруживается отсылка к библейскому рассказу о сотворении человека, который в авторской интерпретации мыслителя значительно отличается от канонического догматического первоисточника.

Смысл этой истории, согласно В. В. Розанову, заключается в том, что в рассказе о сотворении Богом человека провозглашается не личностный образ существования, а отношение, и прежде всего, отношение полов в наиболее развитой его форме — брачном союзе. Таким образом, в розановской интерпретации библейского нарратива о сотворении человека оказывается

важным не сам факт его творения, а то, что изначально была сотворена двоица — мужчина и женщина. В связи с этим можно предположить, что акцент, сделанный В. В. Розановым на «отношении», а не на «факте» божественного творения, позволяет определить его философский проект в качестве своеобразного образца «религиозного релятивизма».

Основополагающим основанием, завершающим процесс трансформации брака в семью В. В. Розанов называет «нравственность, верность, чадолюбие и чадородие» [30, С. 519]. В этом смысле семья — это завершение пола и его активности: «центр брака, его нерв — тайна чадородия, протекающая в чистоте, в верности друг другу, в единении духовном и физическом» [30, С. 352]. Данное утверждение позволяет В. В. Розанову ассоциировать семейную жизнь с религиозным существованием, поскольку брак и семья содержат в себе как социальные, так и религиозные черты, выступая в качестве «утвердительного отношения к полу, доведение этого отношения до религии, до культа, до начинающегося склонения перед ним и поклонение ему» [27, С. 65]. Данное обстоятельство делает его независимым от внешней религиозной и прочей другой детерминации, позволяя В. В. Розанову мыслить семью в качестве автономного источника собственного религиозного смысла, находящего свое подтверждение и обоснование в любом внешнем проявлении.

Обобщая вышесказанное, подведем предварительные итоги:

1. В рамках философского наследия В. В. Розанова в методических целях необходимо разводить семейный вопрос и концептуальную схему-триаду пол — брак — семья, являющуюся теоретико-методологическим основанием фамилистического проекта отечественного философа;

2. В рамках указанной выше концептуальной триады пол будет играть ключевую онтическую роль, воплощая свою творческую потенцию в

учредительном не столько социальном, сколько онтологическом акте, выступая в не только в качестве эмпирической манифестации демиурга всего сущего, но и в качестве катализатора социальных процессов и изменений;

3. Сакрализованной и социально приемлемой формой проявления активности пола выступает брак, мистические основания которого коренятся в древнейших религиях Востока, а также основных монотеистических практиках мира;

4. Брак в философическом проекте В. В. Розанова не является самоценным феноменом, выступая не столько модусом бытия человека в мире, сколько манифестацией его онтологического становления. Иными словами, брак есть приготовление к завершающей стадии онтологической динамики брачно-семейного бытия человека, описываемого триадой пол – брак – семья, в которой семья является окончательной целью, смыслом и назначением не только человеческого бытия, но и мира в целом.

2.2 Философско-религиозная этика пола в наследии В. В. Розанова

Для достижения цели, стоящей перед данной главой в настоящем параграфе предпринимается попытка решения задачи, связанной с анализом философско-религиозной этики пола В. В. Розанова в связи с концептуализацией и анализом статуса женщины в аспекте семейных отношений.

Как уже отмечалось ранее, концепт пола имеет для В. В. Розанова принципиальное значение. Говоря о специфике розановской интерпретации биологического пола, нельзя не отметить, идея которая упоминалась выше есть мистификации биологического начала. Подчеркнем, что отмеченная особенность розановского дискурса о поле имеет принципиальное значение, поскольку, с одной стороны, проясняет специфику последующего концептуального рассуждения философа касательно этики пола в его философско-религиозном наследии, с другой, позволяет определить методологические основания анализируемого рассуждения. На наш взгляд, справедливым кажется предположение о том, что дискурс В. В. Розанова является, прям продолжением метафизической традиции говорения о любви, основания которой восходят еще к Платону и развиваются в дискурсе ренессансных неоплатоников, а также в творчестве упомянутых ранее отечественных продолжателей названной линии. Подтверждение этой идеи обнаруживается нами в работе В. В. Розанова «Люди лунного света», где природа биологического пола, ассоциируется мыслителем с аналогом платонической идеи. Отметим, что в ситуации рубежа XIX-XX веков отмеченный интеллектуальный ход не является принципиально новым: в частности, аналогичной позиции придерживается О. Вейнингер в своем знаменитом трактате «Пол и характер».

Возвращаясь к анализу розановской работы «Люди лунного света» отметим, что изначальное человеческое существо мыслится философом в качестве целостного эмпирического индивида, совмещающего в себе эйдетические начала «самца» и «самки», отмечая, что феноменальным воплощением этого внутренней дихотомии является биологический пол — субстанция вторичная и менее важная в сравнении с указанными эйдетическими началами. Вместе с тем, «наибольшая противоположность мужчины и женщины и выразит наисильнейший в них пол. То есть чем менее «мужеподобна» женщина — тем она самоочнее; как чем менее «женоподобен» мужчина — тем наиболее он самец» [25, С.8]. Таким образом, именно изначальный эйдетический дисбаланс в целостном человеческом существе является основанием его онтологической биологической дифференциации, указывающей на существующие различия между мужчиной и женщиной, находящие свое выражение в устроившихся социальных представлениях и стереотипах. К примеру, В. В. Розанов отмечает, что если женщина не «мужеподобна», то она не должна выглядеть как мужчина, обладать его же повадками и характеристиками, то есть не брать на себя мужские обязанности. Чем более женщина «самочна», то тем больше она привлекательна. Таким образом, телесность является визуальной манифестацией эйдетического начала, а также инстанцией, проливающей свет на внутреннюю жизнь субъекта, а именно на его духовную организацию. В этом смысле, по мнению В. В. Розанова, женщина отличается от мужчины тем, что «идеал ее характер, поведения, жизни и вообще всего — очерка души — нежность, мягкость, податливость, уступчивость» [25, С.9]. Именно эти характеристики, по мнению философа, являются необходимым основанием для возникновения и развития крепких семейных отношений, в которой в модусе социального со-бытия с мужчиной женщине отводится роль тихой, милой, кроткой особи, которая покорно стоит за плечом

крепкого мужчины-самца. Выражение женственности определяется им в таких характеристиках, как: сердечность, ум, манерность, покорность, смиренность, а также богатый внутренний мир. Вместе с тем, женщина в онтологическом аспекте — вовсе не пассивное ведомое существо. Напротив, на страницах рассматриваемой работы В. В. Розанов отмечает, что женщина, несмотря на свою внешнюю молчаливость, обладает «говором в душе» [25, С.11]. Ее онтическое назначение сводится к тому, чтобы быть надежным источником творческой энергии для своей второй половины, поскольку она — источник жизни, задача которого привлекать и насыщать. Таким образом, женщина — это побуждающее вдохновение, без которого всякое порождение становится невозможным.

Таким образом, розановской теории пола присуща внутренняя амбивалентность, выравнивающаяся в концептуальном дискурсе мыслителя посредством гармоничного уравнивания модусов рассмотрения объекта его рассуждения. Первый модус обнаружения и проявления пола — пространство социального со – существования мужчины и женщины, регулируемое посредством устоявшихся представлений и стереотипов, укорененных в социально-культурных нормах и практиках повседневного со-существования людей. Его важнейшая особенность — эмпирическая асимметрия полов, обнаруживающая себя в социальной и семейной дифференциации, а также существующем социально-культурном неравенстве полов. Однако, данное обстоятельство носит лишь внешний характер и преодолевается за счет более глубокого анализа пола во втором модусе его аналитики. Вторым модус измерения и рассмотрения пола в философическом наследии В. В. Розанова — онтологический, где последний рассматривается в качестве все порождающего онтического начала. В рамках данного модуса обнаружения пола последний не просто ассоциируется философом с эйдетическим началом, но и мыслится им в

качестве энергийной сущности, порождающей не столько все сущее, сколько само бытие.

Таким образом, в своей теории семьи В. В. Розанов мыслит пол в качестве онтического начала, обуславливающего в силу своей изначальной первичности все последующие процессы в бытии. Надо сказать, что такая гиперболизация пола в философическом проекте В. В. Розанова не была проявлением авторской свободы творчества, а имела достаточно серьезное обоснование в широком социально-культурном контексте рубежа XIX-XX веков. В частности, внешняя сторона розановской концепции пола может быть соотнесена с европейской философией пола, актуальной на момент начала XX века, а концепция брака, включающая в себя помимо самой идеи брака еще и вопрос о браке в его религиозно – философском понимании становится симптоматичной чертой эпохи поисков новой чувственности, духовности и религиозности, жаждущих своего обновления. В связи с этим идея рассмотрения семьи в качестве всеобщей формы жизни, окруженной широким спектром социальных проблем, также является продуктом эпохи, в которую жил и творил В. В. Розанов.

Выстраивая внутреннюю архитектуру синкретичного философического проекта В. В. Розанова, отметим, что концепция пола является теоретическим фундаментом его философии семьи, в рамках которой сам факт ее появления — самостоятельный этап в развитии семейной темы, приобретающей не столько социальное, сколько метафизическое звучание. В этом смысле, мы оказываемся в достаточно противоречивой ситуации, в рамках которой, пол, с одной стороны, не является истоком вопроса о семье, с другой, будучи онтической предпосылкой брака, имеет непосредственное влияние на процессы, способствующие трансформации первого во второе. Таким образом, без обращения к розановской интерпретации проблемы пола невозможно в должной мере понять замысел его

философического проекта семьи, в основе которого лежит концептуальная триада пол – брак – семья.

Остановимся более подробно на первом концепте описываемой триады, с целью обнаружения и анализа специфической философско-религиозной этики пола, отличающей проект В. В. Розанова своей самобытностью.

Основанием для морализации пола для В. В. Розанова выступают монотеистические религии Древнего Востока — иудаизм и христианство.

В понимании В. В. Розанова, евреи — это нация, максимально воплотившая социально-мистический идеал семьи, сущность которого составляет идея безграничного порождения и приумножения. В отличие от иудеев, христианская вера, согласно В. В. Розанову, напротив, воплотила в своей этической системе идеал безбрачия, защищающий верующего от испытания свободы пола. При этом своеобразное восприятие тела, а также соответствующее отношение к нему присуще и той, и другой религиозной традициям. Более того, феноменологический опыт телесности, присущий рассматриваемым религиозным культам, в своем основании носит скорее положительный, нежели отрицательный характер. Так, иудейскую феноменологию тела В. В. Розанов ассоциирует с идеями восприятия собственного тела, присущими элинскому сознанию, [30, С. 202] в то время как христианское отношение к плоти, связанное с догматом о Бог воплощении, скорее оправдывает биологическую природу человека, поскольку воплощение Логоса становится возможным исключительно при участии материнского начала [29, С. 309].

Важно отметить, что розановское восприятие иудейской семейной этики во многом было определено личными, субъективными особенностями мыслителя, склонного к мистическому восхищению иудаизмом. Данное обстоятельство неоднократно отмечалось исследователями творчества В. В. Розанова [19, С. 27-

36]. Согласно В. В. Розанову, евреи сохраняют несомненным метафизическое ощущение пола, посредством которого они обретают непосредственную связь с Богом. Таким образом, весь иудаизм словно завязан на «тайне пола», срывающей собой истину о первоистоках всего сущего. [19, С. 27-36].

В результате, выстраивая и формируя определенные авторские образы иудаизма и христианства, по-своему мифологизируя как первое, так и второе, В. В. Розанов исходил из «логики факта», нежели чем из «логики рассуждения», поскольку первое напрямую коррелировало с его внутренним настроением. В связи с этим противоречивое сочетание в мыслителе симпатии и антипатии к рассматриваемым культурным традициям справедливо воспринимать в качестве проявления авторского мифотворчества, а также личностной мистики или личностного перформанса [12, С. 122].

Таким образом, основание розановской философско-религиозной этики пола составляет своеобразная авторская мифология пола, обретающая свое существование за счет сравнительной авторской интерпретации иудейского и христианского вероучений, в рамках которого первое всегда ассоциируется с положительным восприятием семейное опыта, в то время как второе — с сугубо отрицательным.

Ранее мы уже указывали на то, что в главной интенцией розановской мифологии пола является ключевая для древневосточных религиозных традиций идея «зерна», смысл которой заключается в направленности религиозного сознания на выявлении и артикуляции половых структур самого бытия. Таким образом, метафора зерна — это прямое указание на пол как некую энергетическую потенциальность, готовую заявить о себе в учредительном акте порождения сущего. Однако в розановской интерпретации иудейской традиции происходит «сокрытие» живородящих онтологических структур, с целью сохранения

священного метафизического статуса последних, а также учреждения соответствующих миметических антропологических практик, призванных не только указывать, но и воспроизводить тайное порождающее начало бытия.

В христианской традиции, согласно В. В. Розанову, на уровне его экзистенциального, а не метафизического измерения, осуществляется процедура «забвения» пола и замена его инстанцией бестелесного Логоса. В результате христианская культура пойдет по пути логоцентристского развития, обернувшегося на практике процессом десакрализации семьи де факто, при декларации ее священного статуса де юре. Таким образом, судьба семьи в христианской традиции ассоциируется В. В. Розановым с превращением последней в социально-биологический институт, подчиненный внешним и чуждым его сути законам, занимающийся исключительно воспроизводством человеческих ресурсов, встраиваюсь, тем самым, в репрессивную машину государственной биополитики.

В связи с этим несложно заметить, что иудейское отношение к полу в розановской интерпретации более детально и внимательно, чем христианское. Первое он описывает при помощи мифологемы «женственности», а также таких метафор, как «тайна обрезания» и спецификой иудейских ритуальных практик, включая брачную церемонию. Заявляя о субъективности европейского народа в своем отношении к миру В. В. Розанов утверждает, что именно в силу отстраненности и отсутствия активной включенности в мировой исторический процесс, евреи более тесным образом связаны и фактически пребывают в божественной реальности посредством мистического слияния с Абсолютом, гарантом которого является обязательное условие вступления в брак. В этом смысле ритуал обрезания, а также вступление в брак — это не только своеобразные ритуальные способы актуализации теофании, но и специфический

способ антропологического обнаружения сущности человека как полового лица, причастного к Древу Жизни. В связи с этим, брак, по мнению В. В. Розанова, в еврейской среде не может не исполниться, поскольку данное обстоятельство будет восприниматься не столько в качестве нарушения юридической традиции, сколько в качестве посягательства на онтологический закон. Таким образом, брак совершается уже в силу физического соединения женщины и мужчины, подобно тому, как через физическое обрезание еврей соединяется с Богом. Следовательно, сущность брака заключается в его «полосочетании», а не в духовном союзе бессмертных и бесплотных душ, как это полагает христианство.

Подводя итог вышесказанному, отметим предварительные выводы:

1. Основанием розановской концептуализации пола и его этической интерпретации является специфическая авторская мифологизация иудаизма и христианства. При этом артикуляция соотношения двух названных традиций осуществляется с позиций критического противопоставления первой и второй.

2. Основанием критического противопоставления и сравнения названных религиозных традиций, взятых в фокусе авторской мифологизации, ведется с позиций индивидуального и повседневного бытия человека, артикулированного В. В. Розановым в модусе брачно-семейных отношений. Данный фокус восприятия ситуации человеческого существования, с одной стороны, позволяет элиминировать канонично-догматичные аспекты названных религиозных традиций, с другой, избавиться от лишнего теоретизирования, обратившись к аналитике сущностного назначения брачно-семейных отношений, прояснив не только их смысл, но и внутреннюю онтологическую «механику» процесса.

3. Понимание пола в качестве онтического начала позволяет В. В. Розанову рассмотреть такой модус повседневного человеческого бытия, как

брачно-семейные отношения не столько в качестве социально-культурного феномена, сколько в качестве онтологической инстанции, повторяющей внутреннюю порождающую онтологическую логику самого бытия. Тем самым, регистр мысли отечественного философа приближается и становится созвучным античной онтологии становления, зачатки которой обнаруживаются уже в эротической теории Платона, а также предшествовавших ему философв-досократиков.

4. Указанная сакрализация пола и инициированных им брачно-семейных отношений за счет этого сакрализуется, что позволяет рассматривать пол в качестве манифестации божественного начала, а семью – в качестве своеобразной инстанции теофании.

5. Обобщение вышесказанных тезисов позволяет уточнить принципиальное теоретическое различие розановской интерпретации иудейской и христианской этических традиций интерпретаций пола, а также брака и семьи. Первая исходит гармоничного и синкретичного единения противоположного бинаризма «тело» и «душа», усматривая в этом единстве не столько возможность самовоспроизводства сущего, сколько условие божественной теофании, в то время как вторая выстраивает внутреннюю онтологическую архитектонику феномена брака и семьи в привычной для западноевропейской культуры традиции бинарной асимметрии, возвышая духовное начало и принижая телесное. Кроме того, сам факт присутствия телесного начала легитимирует ассоциирование жизни пола с грехом, находящим свое искупление лишь в процессе деторождения. Таким образом, в отличие от внутренней и внешней гармоничной логики понимания пола в иудаизме, христианская этика пола, в интерпретации В. В. Розанова, строится вокруг противоречивого парадокса греха и искупления, обусловленного наличием в христианской картине мира, во-первых, феноменом чуда, указывающем на

всемогущество Бога, во-вторых, парадоксальной диалектикой закона и благодати, которая в данной ситуации может прочитываться в качестве ситуации проступка и предполагаемого наказания, отменяемого силой любящего прощения. Таким образом, в рамках иудейской традиции, по мнению В. В. Розанова, любовь – это гармоничное рождение в плоти, подразумевающее, а не отменяющее, гармоничное рождение в духе, в то время как в христианстве, любовь – это искупление животного порождения в плоти, основанное на раскаянии и прощении в духе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая рассмотрение заявленной темы, сформулируем итоговые выводы необходимые для решения стратегической цели настоящей дипломной работы, которая заключается в артикуляции, концептуализации и анализе статуса женщины в аспекте семейных отношений на материале философического наследия В. В. Розанова.

Во-первых, философско-религиозный дискурс культуры Серебряного века является интеллектуальным пространством пересмотра и артикуляции вопросов пола, брака и семьи, что обусловлено тенденцией модернизации отечественной культуры рубежа XIX-XX веков. Важным обстоятельством, оказавшим влияние на данный процесс является актуализация антропологической линии вопрошания, как в западноевропейской, так и в отечественной философской культуре. В этом смысле, философско-религиозный дискурс Серебряного века в России может быть прочитан в качестве палитры различных теоретико-методологических подходов к решению названных проблем, отличительная особенность которых сводится к двум формально противостоящим, но сущностно взаимодополняющим концептуальным традициям «биологизации мистики», а также «мистификации биологии», которые, с одной стороны, имеют собственные историко-философские основания в западноевропейской философской традиции, с другой, отчасти объясняют специфику отечественного философствования рубежа веков.

Во-вторых, говоря о своеобразии отечественного философического дискурса нельзя не отметить такой его особенности, как литературоцентризм. В связи с этим, в рамках данной работы мы обосновываем идею о том, что классическая русская литература является непосредственным теоретическим основанием постановки и решения ключевых философических вопросов, развиваемых отечественными мыслителями. В частности, на основе аналитики

творчества Л. Н. Толстого, мы обнаружили и артикулировали зачатки постановки вопросов о поле, браке и семье в пространстве отечественной культуры в ситуации ее модернизации. Отметив влияние толстовских идей, а также реконструировав их влияние на становление розановского философического проекта, заметим, что в наследии русской классической литературы впервые обнаруживаются важнейшие тенденции модернистской традиции вопрошания о поле, браке и семье, а именно: 1) легитимация полового влечения и дискурса тела в модусе повседневного существования человека, посредством сакрализации, или что более аутентично для дискурса русской философии – обожения плоти; 2) парадоксальный отказ от догматического религиозного морализаторства вопросов сексуальности, обусловленный секуляризацией религиозной культуры в период раннего модерна. Кроме того, специфика отечественной постановки и решения рассматриваемых вопросов может быть объяснена и за счет экзистенциально-метафизической интерпретации пола и семьи, выводящей рассматриваемые феномены «пол», «брак» и «семья» на качественно иной уровень философической рефлексии: на смену социально-культурной аналитике приходит религиозно-онтологический взгляд, призванный вписать данный модус бытия человека в мире в общеонтологический строй мироздания.

В-третьих, философический проект В. В. Розанова может и должен анализироваться с позиций метафизики пола, брака и семьи с целью выявления онтологической динамики процессуального бытия человека в модусе его повседневного будничного существования. При этом, за счет онтической интерпретации концепта «пол» в рамках розановского проекта повседневное будничное существование человека в аспекте его брачно-семейного существования не может рассматриваться в качестве обособленной онтологической сферы. Напротив, семья, как высшая форма существования

человека, а также социального со-существования людей является пространством онтологического становления бытия как такового, впервые просвещающего свои подлинные основания – гармоничное порождение, являющейся непосредственным атрибутом не столько божественного присутствия в мире, сколько божественной природы самого бытия. Таким образом, метафизика пола, семьи и брака В. В. Розанова представляет собой философический проект пантеистического толка.

В-четвертых, теоретико-методологическим основанием розановской интерпретации назначения брака и семьи является авторская мифологизация религиозной этики пола, обнаруживаемая философом в иудейской и христианской религиозных традициях. В тоже время, в рамках философического проекта В. В. Розанова данное теоретико-методологическое основание выступает объектом критического пересмотра и эвристического обновления, в рамках которого помимо онтологизации семьи, розановский философический проект характеризуется ее сакрализацией, преследующей лишь одну цель – интеграции противоположных онтологических сфер: божественно-сакральной и профанно – земной в единое онтологическое образование – мир, в рамках которого семья выступает: 1) пространством теофании; 2) способом трансгрессии; 3) репрезентацией онтологической логики мироздания, преследующей лишь одну цель – бесконечное порождение в гармоничном и непротиворечивом акте любви, отменяющей всякую самость и всякое различие.

В связи с этим, решение стратегической цели настоящей дипломной работы, на наш взгляд заключается в том, что в рамках философического проекта В. В. Розанова. Отметим, что в наследии отечественного мыслителя данный вопрос не рассматривается в качестве самостоятельной проблемы. Вследствие

этого, решение поставленной исследовательской задачи является попыткой авторской интерпретации наследия В. В. Розанова в указанном аспекте.

Женщина изначально мыслится в качестве одного из членов классической логико-онтологической дихотомии «женщина» и «мужчина». Специфика розановской аналитики данной бинарной оппозиции заключается в том, что в отличие от классической западноевропейской традиции противопоставления названных бинаризов, берущей свое начало в учении Пифагора, они лишены асимметричного противопоставления. Иными словами, «женщина» и «мужчина», несмотря на свою онтологическую противоположность, выступают равноправными началами. Такой пересмотр классической бинарной оппозиции становится возможен посредством онтической интерпретации пола. Иными словами, онтическое прочтение пола позволяет В. В. Розанову, вопреки, устоявшейся в западноевропейской традиции философствования, рассматривать искомую противоположность в качестве равноправных не столько половых, сколько метафизических сущностей, взаимодействие которых инициирует запуск механизма онтологического порождения, являющегося в тоже самое время, во-первых, манифестацией божественного характера бытия, во-вторых, способом элиминации ассоциации с греховной природой тела.

Таким образом, женщина в аспекте семейных отношений в философском проекте В. В. Розанова представляет собой самостоятельную, самодостаточную, равноправную со своей противоположностью, онтическую сущность, являющую собой потенциальный онтологоантропологический проект, реализующий себя в межличностных и межполовых отношениях, высшим проявлением которых в социально-культурном модусе является брак, а в метафизическом – семья. В этом смысле, женщина, как и мужчина, представляет собой неотъемлемый сущностный компонент метафизической двоицы,

выступающей, с одной стороны, в качестве необходимого основания процесса порождения многообразных форм сущего, с другой, обязательным условием теофании, освящающей в своей манифестации не только конкретную семью, но в ней и через нее само бытие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаев Э. Г. Из истории русского романа XIX века (Пушкин, Герцен, Толстой). М.: Изд-во МГУ, 1984. – 273 С.
2. Бердяев Н. А. Эрос и личность. Философия пола и любви. - М.: Азбука-классика, 2014. – 224 С.
3. Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. - М.: T8Rugram, 2018. – 191 С.
4. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. - М.: Азбука-классика, 2017. – 415 С.
5. Волынский А. Л. «Фетишизм мелочей» В . В. Розанова // В. В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Васильевича Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Кн.2. СПб.: РХГИ, 1995. – 837 С.
6. Галецкий В. А. Встретит ли институт семьи XXII век? // Журнальный зал. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/6/ga10.html>
7. Голубева, Л.Н. «Я весь — дух, и весь — субъект: субъективное развито во мне бесконечно.» (о постмодернистском модусе мышления В. Розанова) Текст. / Л.Н. Голубева // Энтелехия. Кострома - 2001. - № 1.
8. Евлампиев И. И., История русской философии: Учебное пособие. - М.: Высшая школа, 2002. – 672 С.
9. Зеньковский В. В. История русской философии. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 С.

10. Зеньковский, В.В. В.В. Розанов Текст. / В.В. Зеньковский // В.В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Кн.2. СПб.: РХГИ, 1995. – 837 С.
11. Кожурин, А.Я. «Глаз» Платона, «ухо» Хайдеггера и «нос» Розанова Текст. / А.Я. Кожурин // Звучащая философия: Сборник материалов конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С.158-172.
12. Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 5,6. М., "Лексика", 1996. – 450 С.
13. Лебедева, В.Г. Феномен «панэвтихизма» в концепции Василия Розанова Текст. / В.Г. Лебедева // Лебедева В.Г. Судьбы массовой культуры России. Вторая половина XIX века первая треть XX века / В.Г. Лебедева. СПб.: Изд-во СПб-го ун-та, 2007. – 352 С.
14. Лысенко В. В. Философско-религиозное учение В. В. Розанова о браке и семье: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Владивосток, 2009. – 35 С.
15. Лысенко, В.В. В.В. Розанов и семейный вопрос в России Текст. / В.В. Лысенко // Актуальные проблемы истории отечественной философской и политической мысли. Уссурийск: УГПИ, 2008. – 173 С.
16. Павленко А. И. Философско-педагогическая идея семьи в публицистике В. В. Розанова: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. - Елец, 2000. – 185 С.
17. Платон Пир // Платон Полное собрание сочинений в одном томе. - М.: Издательство Альфа-Книга, 2013. – 13450 С.
18. Плеснер, Х. Ступени органического и человек Текст. / Х. Плеснер // Проблема человека в западной философии / Сост. П.С. Гуревич. М.: Прогресс, 1988. – 552 С.

19. Пылаев, М.А. Святое в русской философской мысли и в западной феноменологии религии Текст. / А.М. Пылаев, К.М. Антонов // Религиоведение. 2008. - № 3. – С.28-46.
20. Пылаев, М.А. Святое в русской философской мысли и в западной феноменологии религии С.139-144,
21. Розанов в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Кн.1., СПб.: РХГИ, 1995. – 560 С.
22. Розанов В. В. Семейный вопрос в России // Собрание сочинений. Т.18. М.: Республика, 2004. – 380 С.
23. Розанов В. В. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов / под.общ.ред. А. Н. Николюкина. - М.: Республика, 1995. – 185 С.
24. Розанов В. В. Личность и творчество Текст. / Э.Ф. Голлербах // Вешние воды. 1918. – 124 С.
25. Розанов В.В. Люди лунного света (Метафизика христианства). - М.: Дружба народов, 1990. – 270 С.
26. Розанов В.В. Религия и культура. - СПб.: Изд. П. Перцова, 1899. – 120 С.
27. Розанов, В.В. Из последних листьев Текст. / В.В. Розанов // Книжный угол. №5,-1918. – 150 С.
28. Розанов, В.В. Письма к Э.Ф. Голлербаху Текст. / В.В. Розанов // Розанов В.В. Сочинения. Л.: «Всесоюзный молодежный книжный центр», филиал «Васильевский остров», 1990. – 210 С.
29. Розанов, В.В. Темный лик. Метафизика христианства Текст. / В.В. Розанов. СПб., 1911. – 210 С.
30. Розанов, В.В. Уединенное Текст. / В.В. Розанов // Розанов В.В. Сочинения В.В. Розанов. Л.: «Всесоюзный молодежный книжный центр», филиал «Васильевский остров», 1990. – 185 С.

- 31.Русский эрос, или Философия любви в России./Сост. и вступ. ст. В.П.Шестаков. - М., 1991. – 235 С.
- 32.Семейный вопрос в России: Дети и родители. Мужья и жены. Развод и понятие незаконнорожденности. Холостой быт и проституция. Женский труд. Закон и религия./ В. В. Розанов. - С.-Петербург : Тип. М. Меркушева , 1903. – 190 С.
- 33.Соловьев В.С. Смысл любви. // Русский эрос, или Философия любви в России./ Сост. и авт. вступ. ст. В.П.Шестако В.. М., 1991. – 235 С.
- 34.Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. - СПб.: Художественная литература, 1994. – 738 С.
- 35.Страхов А.М. Отечественная философия поа и любви (культурно-философская антропология) XIX – начала XX вв. - Ростов-на-Дону, 2006. – 394 С.
- 36.Тареев, М.М. Дух и плоть Текст. / М.М. Тареев // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1905. – С.57-94.
- 37.Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. - М.: Академический проект, 2017. – 640 С.

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Гуманитарный институт
Кафедра Философии

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

/ В.И. Кудашов

06 2019 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

47.03.01 Философия

Женщина в аспекте семейных отношений в философском творчестве Василия
Розанова.

Руководитель

В.И. Кудашов

доцент, канд. филос. наук Кульбижеков В.Н

Выпускник

С.А. Вебер

Вебер С.А.

Красноярск 2019